

Институт
археологии
Российской
академии наук

С.В. Язиков, А.А. Волошинов, А.Н. Свиридов

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

МОГИЛЬНИКА КИЛЬ-ДЕРЕ 1

Материалы
спасательных
археологических
исследований

32

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

МОГИЛЬНИКА КИЛЬ-ДЕРЕ 1

Институт
археологии
Российской
академии наук

С.В. Язиков, А.А. Волошинов, А.Н. Свиридов

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

МОГИЛЬНИКА КИЛЬ-ДЕРЕ 1

Материалы
спасательных
археологических
исследований

32

МОСКВА 2023

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

УДК 902/904
ББК 63.4
Я40

Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН
«Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы
полевых исследований» (№НИОКТР 122011200265-6)

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии Российской академии наук

Ответственные редакторы
доктор исторических наук А.В. Мастыкова
кандидат исторических наук А.В. Энговатова

Рецензенты
кандидат исторических наук А.А. Малышев
доктор исторических наук И.Н. Храпунов

Язиков С.В., Волошинов А.А., Свиридов А.Н.

Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова,
А.В. Энговатова. (Материалы спасательных археологических исследований. Том 32). М.:
ИА РАН, 2023. 204 с.; ил.

Издание посвящено памятникам скульптуры из раскопок могильника Киль-Дере 1, располагающемся в Юго-Западном Крыму, в центральной части Инкерманской долины, на левом берегу реки Черная. Лапидарная коллекция могильника Киль-Дере 1 является самым большим собранием варварских памятников первых вв. н.э., обнаруженных в пределах одного некрополя и составляет более 50% варварских надгробий этого периода в Северном Причерноморье. В книге представлено 68 памятников скульптуры и их фрагментов.

В структуру работы входит краткая аналитическая часть, в которой освещены вопросы классификации, хронологии и генезиса памятников. Подробные сведения об обстоятельствах находки, размерах, технологии изготовления, иконографии, морфологии, и возможном использовании каждого из них приведены в каталоге, а сведения о породе камня и трасологии – в приложении П.В. Оксиненко.

Для археологов, историков, студентов исторических факультетов.

С благодарностью ответственным редакторам А.В. Мастыковой и А.В. Энговатой
и руководителю Крымской новостроечной экспедиции С.Ю. Внукову.

С благодарностью фотографу Ш.Ш. Гацаеву и художнику А.М. Дитюковой.

С отдельной благодарностью руководству, реставраторам и сотрудникам
ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

В оформлении обложки и титула использованы фото А.А. Бронникова.

ISBN 978-5-94375-409-8
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-409-8

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2023
© Язиков С.В., Волошинов А.А.,
Свиридов А.Н., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
Глава первая. Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1. Общая характеристика.....	8
Глава вторая. Каталог каменных изваяний.....	23
Заключение.....	110
Литература	111
Альбом иллюстраций	118
Приложение. Оксиненко П.В. Определение горных пород и трасология лапидарных элементов могильника Киль-Дере 1.	177

ВВЕДЕНИЕ

«...примитивность изображений не есть, однако, случайность, вызванная неумением плохих мастеров, а признак эпохи и совершенно определенного стиля, создающегося на развалинах стиля классического»

М.И. Ростовцев. 1914. Античная декоративная живопись на Юге России, Спб. с. 401.

Варварская скульптура в первые века н.э. активно развивалась и видоизменялась. Основным очагом распространения ее находок стал Центральный и Юго-Западный Крым (бассейны рек Салгир, Булганак, Альма, Кача, Бельбек), а также прибрежная часть Северо-Западного Крыма, т.е. наиболее плотно заселенная варварами территория Крымского полуострова. Впрочем, известны отдельные, но не менее интересные образцы на более удаленных территориях, например, рельеф из хутора Малая Козырка, севернее Ольвии. Подавляющая часть памятников скульптуры найдена на грунтовых некрополях, отдельные – на поселениях и городищах.

В новом импульсе развития варварской скульптуры (т.н. «позднескифской», «сарматской» скульптуры, «скульптуры сарматского круга», «скифо-сарматской скульптуры») наметились две тенденции. С одной стороны, происходил своеобразный ренессанс антропоморфных изваяний, продолжающих традиции скифской скульптуры VII-III вв. до н.э. С другой – варварская скульптура обогащалась всеми тенденциями античного искусства. Самой главной тенденцией стало появление рельефов, как нового морфологического вида памятников скульптуры. Вероятно, это произошло не только из-за прямого влияния соседних греческих полисов, но и благодаря римскому при-

сутствию в них. Сюжеты отдельных варварских рельефов связаны с иными культурными центрами и традициями, местоположение которых до сих пор точно не определено.

Среди нововведений, например, стало появление монументальных рельефов, в том числе с портретными изображениями скифских царей. Такие памятники и их фрагменты единичны, наиболее ярким образцом является знаменитый «рельеф Палака», обнаруженный на территории Неаполя Скифского. Кроме того, появились votивные и надгробные рельефы с использованием иконографических схем, известных в Херсонесе, Ольвии и на Боспоре (всадники, сцена адорации). Вероятно, для заимствования античных схем, как и в более раннее время, достаточно было совпадения каких-то отдельных иконографических черт с представлениями о внешнем облике персонажа собственной мифологии (Раевский, 1980. С. 68). В варварских рельефах заметно нарушение геометрически правильных очертаний плит, рамок, а также непропорциональность в изображении фигур. Подобное нарушение античных форм известно для контактных зон варварского и античного мира, но в некоторых случаях, оно объяснялось, вероятно, непрофессионализмом мастеров.

Археологические раскопки, предпринятые ИА РАН в границах 8-го этапа трассы «Таври-

да» (начальник отряда – С.В. Язиков), позволили выявить ранее неизвестный некрополь первых веков н.э. К большому сожалению, подавляющее большинство погребальных комплексов ограблено в 2000-х гг. Тем не менее, количество найденных предметов погребального инвентаря составило более 2000 единиц, а прослеженные детали обряда ставят некрополь в один ряд с самыми известными варварскими могильниками Юго-Западного и Центрального Крыма. Одним из самых важных результатов раскопок Киль-Дере 1 стала находка множества самобытных памятников скульптуры, часть из них представляют локальный, обособленный вариант варварских изваяний.

Лапидарная коллекция могильника Киль-Дере 1¹ уникальна во многих отношениях. В первую очередь, она является самым большим собранием варварских памятников, обнаруженных в пределах одного некрополя. Во-вторых – часть коллекции составляют памятники скульптуры, предоставляющие комплекс новых данных о наземном, погребальном этапе погребального обряда (чашевидные углубления (лунки), стоки-канавки, жертвенные ниши на рельефах, шлифованные основания-базы). В-третьих –

впервые в пределах некрополя найдены новые морфологические виды варварской скульптуры – жертвенные плиты, плиты с граффити, основания-базы с жертвенными лунками, а также жертвенные камни, представляющие некое подобие эсхар-хоэ (плит с отверстиями для жертвенных возлияний). Именно эти новые виды памятников, неизвестные на других варварских некрополях, позволяют предположить, что могильник Киль-Дере 1 мог использоваться в древности не только как место погребения, но и в качестве святилища. Впрочем, наличие подобной скульптуры может быть признаком особого, локального варианта погребального и погребального обрядов.

Иконография найденных памятников скульптуры, обогатила науку новыми образами и иконографическими схемами. Пока еще сложно понять весь потенциал этой разнообразной коллекции. Необходимо исследовать остатки красочных слоев, скрытых за известковым налетом, расширять круг поиска аналогий, понять место коллекции в варварском искусстве и в системе религиозно-мифологических представлений варварского населения Крыма в первые века н.э. Этот каталог – лишь первое знакомство с уникальной коллекцией скульптуры из могильника Киль-Дере 1, первый шаг в ее изучении и осмыслении.

¹ Хранится в ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ МОГИЛЬНИКА КИЛЬ-ДЕРЕ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Некрополь Киль-Дере 1 располагался на вершине и склонах безымянного холма, на левом берегу реки Черная, в центральной части Инкерманской долины, в 9,6 км к юго-востоку от Херсонеса. В границах некрополя исследовано 421 могил I-IV вв. н.э., и, только 29 из них оказались непо потревоженными грабителями (Илл. 1-4).

Могины концентрировались вокруг скалистого выхода, не позволявшего устраивать в нем погребальные сооружения. Около половины изваяний было найдено в центральной части некрополя, занимавшей вершину холма. Остальные памятники обнаружены в ходе исследования периферийных участков на крутых склонах возвышенности. Центральная часть могильника оказалась более информативной и в отношении сохранности наземных конструкций, здесь *in situ* было открыто несколько менгироподобных изваяний (стела № 4 в могиле 2 и стела № 5 в могиле 3) и основание-база №46 у могилы 6.

Датировка памятников затруднена². Памятники скульптуры найдены в заполнениях входных ям и камер, в том числе, современных грабительских шурфов, часть изваяний в древности была повреждена и использована вторично: в качестве отметок/маркеров над могилами, элементов конструкции погребальных сооружений (см. ниже). По этим причинам, датировка коллекции изваяний из могильника Киль-Дере 1 суммарна и находится в хронологических рамках существования некрополя – I-IV вв. н.э.

Собрание лапидарных памятников из некрополя Киль-Дере насчитывает 68 единиц, составляя более 50 % варварских надгробий первых веков н.э. в Северном Причерноморье. Часть памятников скульптуры из Киль-Дере опубликована в ряде научных (Языков, Свиридов, Волошинов, 2021; Языков, Свиридов, 2022; Волошинов, Языков, Свиридов, 2022) и научно-популярных изданий (Мир Варваров Таврии..., 2021). Кроме того, на сайте Института археологии РАН представлена онлайн-выставка «Лица поздних скифов: надгробия из Юго-Западного Крыма», где размещены подробные 3D модели ряда памятников (<https://www.archaeolog.ru/ru/>

[online-museum/litsa-pozdnikh-skifov-nadgrobnya-iz-yugo-zapadnogo-kryma](https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum/litsa-pozdnikh-skifov-nadgrobnya-iz-yugo-zapadnogo-kryma)).

Для изготовления памятников скульптуры использован камень из нескольких месторождений, в том числе привозной (см. приложение П. Оксиненко). Характер обработки памятников различен. Некоторые, из них, например № 41, подтесаны и тщательно отшлифованы со всех сторон. Другие памятники (№ 38) подвергались только частичной подработке, при этом сохранялась природная поверхность заготовки, т.е. для изготовления изваяний использовался камень не из специальных каменоломен, а произвольно отбирался вблизи естественных скальных выходов в непосредственной близости от некрополя.

Наиболее распространенным видом скульптуры на могильнике Киль-Дере 1 являются рельефы (23), менгироподобные изваяния (14) и основания-базы (13). Наименьшим количеством памятников представлены антропоморфные стелы (5), жертвенные камни и плиты (5), плиты с граффити (4), фрагменты памятников неопределенного вида (3). Единичной находкой на некрополе стал фрагмент саркофага или оссуария.

МЕНГИРОПОДОБНЫЕ ИЗВАЯНИЯ³ представлены 14-ю памятниками и их фрагментами (№№ 1-14) (рис. 1), отдельные из них были зафиксированы *in situ* (№№ 3-5). Этот вид неантропоморфной группы изваяний использовался в скифское время и ранее⁴, он является крайне специфическим, более характерным для варварских некрополей первых веков н.э., чем для иных синхронных погребальных памятников Северного Причерноморья.

Менгироподобные изваяния – это обломки или плиты известняка вытянутых пропорций, не имеющие, как правило, графически изображенных предметов или антропоморфных элементов.

³ В основу терминологии и описания памятников варварской скульптуры, определении морфологии антропоморфных и неантропоморфных изваяний, легли монографии В.С. Ольховского, являющиеся обобщающими и наиболее полными работами, посвященными проблеме классификации и описания скифских изваяний VII-III вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994; Ольховский, 2005). Наименование скифских «стел-менгиров», предложенное В.С. Ольховским, заменено на «менгироподобные изваяния» с целью подчеркнуть иное назначение и меньшую монументальность рассматриваемого вида памятников. Менгироподобные известняковые изваяния первых веков н.э. значительно меньше по размерам, чем скифские менгиры IV в. до н.э., изготовлявшиеся из гранита, и только высота отдельных из них достигает 2 м (Пуздровский, 2007. С. 125).

⁴ Популярность стел-менгиров в скифской скульптуре В.С. Ольховский объясняет тем, что они «наиболее выразительно, лаконично и с наименьшими затратами труда на их изготовление воплощают идею (семантический архетип) скифского изваяния как временной «опоры» мироздания» (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 48).

² В настоящее время идет обработка материала и продолжается написание отчета. Возможно, позднее, при публикации материалов некрополя, удастся уточнить датировку отдельных памятников. Однако, общая степень ограбления могильника настолько велика, что в значительном количестве случаев, датировать сами погребения невозможно. Этому способствовала чрезвычайная плотность погребений, а также то, что зачастую они перерезали друг друга. В итоге, фрагментированный погребальный инвентарь был многократно перемещен в пределах нескольких могил.

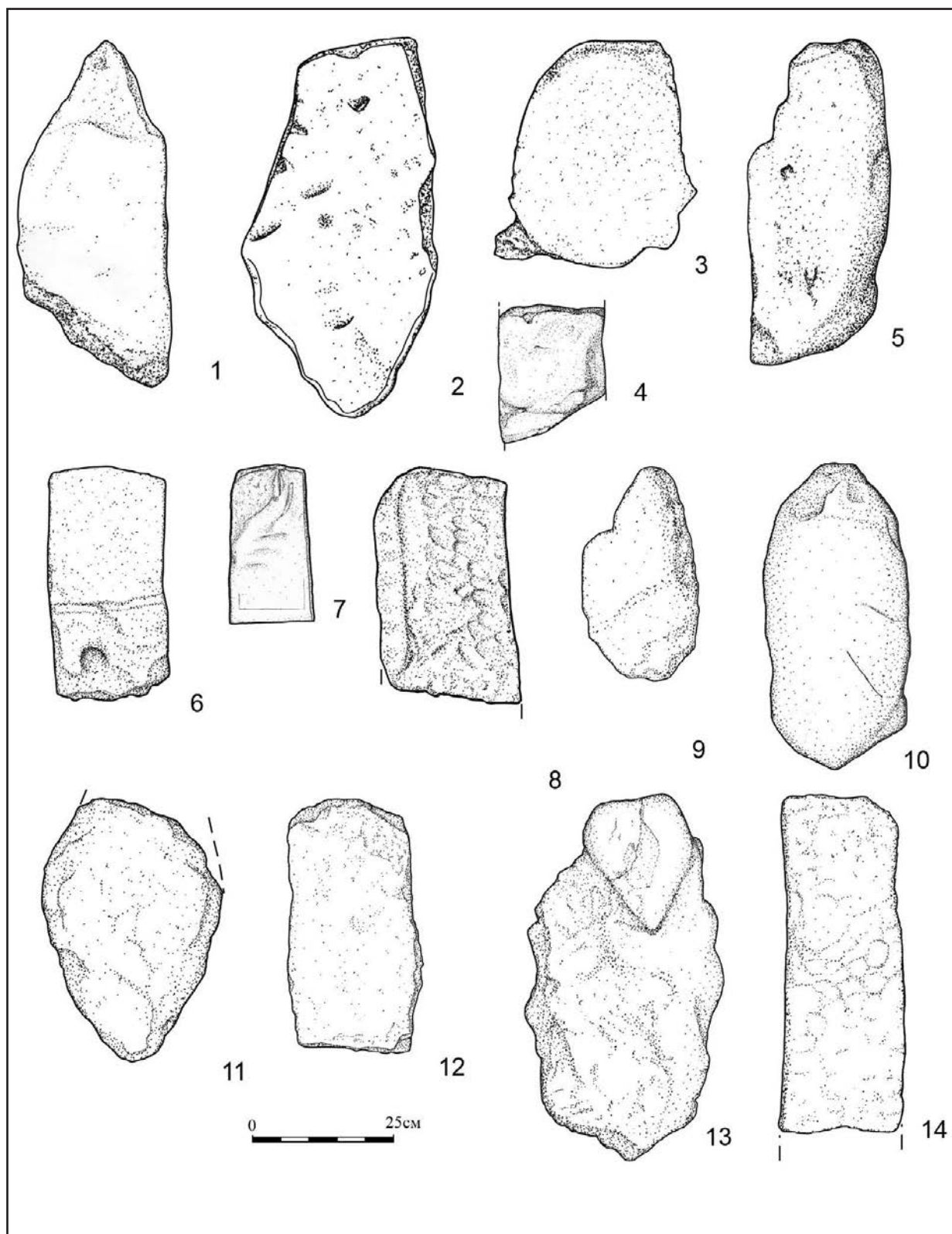

Рис. 1. Менгироподобные изваяния могильника Киль-Дере 1.

Подобные памятники представлены двумя видами. Первый из них – известняковые обломки аморфных очертаний (№№1-3, 9-13), сохранившие природные контуры и поверхность⁵. Вероятно, по этой причине часть исследователей считает, что менгироподобные изваяния на варварских некрополях выполняли функции маркеров, т.е. опознавательных знаков, чтобы при захоронении не разрушать прежнее погребение и охранять живых от умерших (Богданова, 1982. С. 34). Можно предположить, что изваяния первого подвида использовались только для обозначения места погребения, доказать наличие смысловой нагрузки в данном случае крайне сложно. В качестве маркеров на варварских некрополях использовались также поврежденные в древности и вторично использованные надгробия (Волошинов, 2001. С. 150. Рис. 2: 3)

Изваяния второго подвида (№№ 4-8, 14) имеют следы подработки и шлифовки и, вероятно, были предназначены для последующей раскраски, подобно антропоморфным силуэтным изваяниям. Так, следы краски темно-красного оттенка сохранились на лицевой стороне изваяния №14, в двух случаях высечены жертвенные лунки (№№ 6, 14).

Менгироподобные изваяния варварских некрополей не требовали установки в базу и, как правило, в древности незначительно возвышались над поверхностью могильного холма. Они вкапывались вертикально в заполнение входной ямы, у ее торцевых стенок, в ногах и/или голове⁶. Еще один вариант установки – менгироподобное изваяние № 3, обнаруженное *in situ* в вертикальном положении у базы № 46 к югу от входной ямы могилы № 6. Памятник входил в состав надгробного сооружения, состоящего из менгироподобного изваяния, основания-базы и вставленного в него шипа надгробия. Как правило, в качестве материала использовались породы камня из местных месторождений (см. приложение П. Оксиденко).

На менгироподобные изваяния из других варварских некрополей иногда наносились так-

же тамги, позволившие исследователям говорить о сарматской принадлежности таких памятников (Драчук, 1975. С. 102).

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ (№№ 15-19) (рис. 2.). Этот вид изваяний представляет собой известняковые плиты, в верхней части которых высечен подпрямоугольный или подтрапециевидный выступ-голова и короткие плечи, шея не выделена.

Два памятника (№№17 и 18) следует отнести к антропоморфным плитам, а по степени воплощения образа – к силуэтным изваяниям. Обязательными антропоморфными элементами являются выступ-голова и плечи. Этот вид скульптуры, как правило, характеризуется подчёркнутой геометричностью и плоскостностью, четко обозначенными гранями плит, отсутствием каких-либо изображений, а также более тщательной обработкой хотя бы одной из поверхностей. Силуэтные изваяния, как предполагается, служили универсальной формой надгробия, на которое с помощью раскраски наносилось изображение умершего, как это делалось в Херсонесе (Стоянов, 2010. С.37), на Боспоре (Молева, 1991. С. 72) и на варварских антропоморфных стелах (Волошинов, 2015. С. 260). Подобные изваяния Е.А. Попова отнесла к стелам характерной для Боспора формы (Попова, 1976. С. 117), О.Д. Дашевская – к антропоморфным стелам «боспорского типа» (Дашевская, 1991. С. 101). Не исключено, что силуэтные изваяния носили не надгробный характер, а использовались в культовых целях, неся «идею цикличности жизни и воскрешения для конкретного погребенного. Безликий облик хтонического антропоморфа при могиле (в том числе с надгробием) предполагает «участие» в этом процессе невидимого божества с соответствующими функциями» (Алексеева, 2021. С. 52).

Антропоморфные изваяния могильника Киль-Дере 1 демонстрируют тесную связь с варварской скульптурой первых веков н.э. Несмотря на близкое расположение некрополя к Херсонесу, антропоморфные стелы из Киль-Дере 1 морфологически сходны с варварскими надгробиями из бассейнов рек Альма и Бодрак (Усть-Альма, Озерное II, Заветнинский могильник, Брянское), а также боспорскими антропоморфными изваяниями.

Антропоморфные стелы №№ 15, 16 и, возможно, № 19, по вариации позы (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 54, 55. Табл.7) следует отнести к фигуре сидящей, по степени воплощения образа – к бюстам. Эта группа изваяний имеет аналогии среди варварской скульптуры из долины р. Кача⁷. Изображение лица на изваянии № 148 аналогично стелам из Краснозоринского некро-

5 Вертикально стоящие каменные плиты и стелообразные камни были одним из способов отметки могил на поверхности, в частности, на Усть-Альминском, Золотобалковском (Высотская, 1979. С. 176; Дашевская, 1989. С. 134; Вязьмитина, 1972. С. 105, 106), Заветнинском (Богданова, 1989. С. 23), Танковском (Вдовиченко, Колтухов, 1994. С. 82-87) могильниках, могильниках Предущельное и Сувлу-Кая (Волошинов, 2008. С. 62; Voloshinov, 2012), некрополях Херсонеса и Танаиса (Книпович, 1949. С. 45, 47), Неаполе Скифском (Пуздровский, 2007. С. 125). К менгирам исследователи отнесли изваяния из могильника у с. Скалистое (Соломоник, 1962. С. 163, 164. Рис. 13) и Запорожского краеведческого музея (Драчук, 1975. С. 100. Табл. XXXI: 6).

6 Наиболее устойчивая традиция отметки могил менгироподобными изваяниями на варварских некрополях относится к III в. н.э. Благодаря отдельным зафиксированным случаям можно утверждать, что подобными изваяниями, установленными вертикально, отмечались погребальные сооружения различной конструкции (грунтовые, плитовые и подбойные могилы, склепы). В склепах менгироподобные изваяния устанавливались над началом и/или в конце входной ямы.

7 Сходными характеристиками обладают также антропоморфные памятники VI-II вв. до н.э. из Ольвии (Крыжицкий и др., 1999. С. 124. Рис. 129).

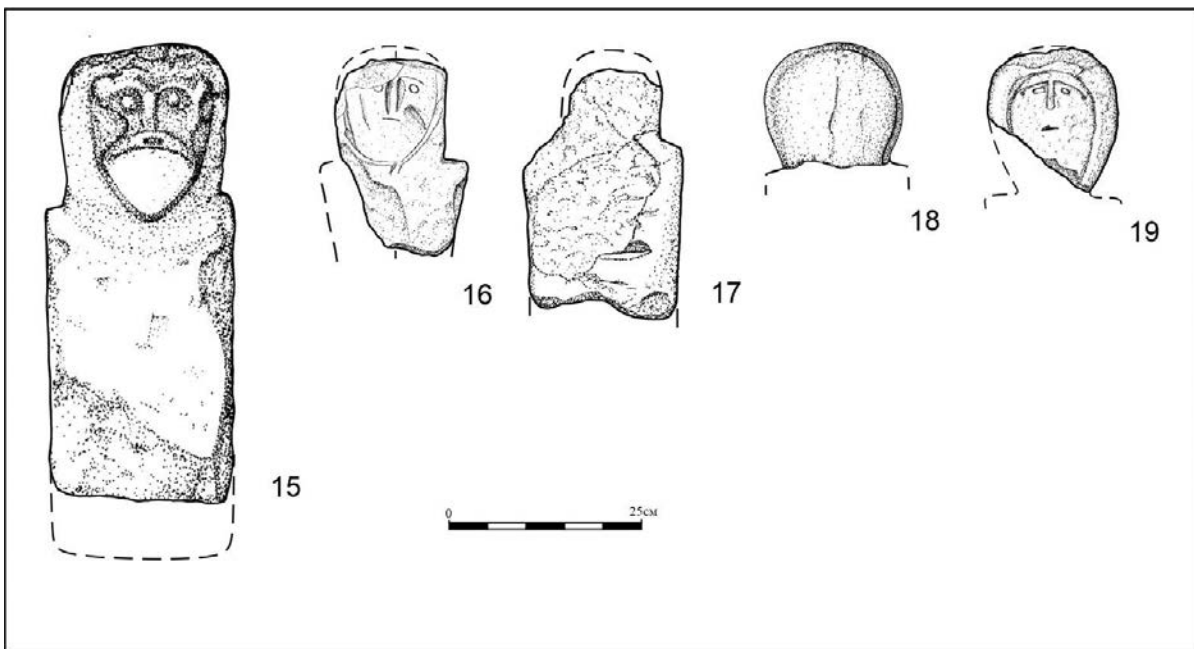

Рис. 2. Антропоморфные стелы могильника Киль-Дере 1.

поля и Тенистого (Волошинов 1997. С. 39–41; Волошинов, 2004. Рис. 1–6). Стела № 16 по специфической моделировке деталей лица схожа с одним из надгробий Совхоза № 10 (Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 186. Рис. 44). Достаточно редким художественным приемом для варварской скульптуры является использование контррельефа в изображении лица, подобный прием был применён только на стеле №2 из Заветнинского могильника (Богданова 1961. С. 251, 252. Рис. 1: 2; 2: 2).

РЕЛЬЕФЫ из раскопок некрополя Киль-Дере 1 представлены самой многочисленной группой памятников, состоящей из 23-х экземпляров и их фрагментов, т.е. 1/3 всей коллекции (№№20–42) (рис. 3,4).

Варварские рельефы первых вв. н.э. имеют заметное влияние античной скульптуры, которое выразилось в использовании античных сюжетов и иконографических схем, а также нанесении греческих надписей. При этом, иконографическая схема варварских рельефов, как правило, была не просто заимствована у античных надгробий, но и приспособлена под скульптурные традиции варваров – сюжет увеличивался в размерах, модифицировалась иконографическая схема, в которую вводились варварские атрибуты, например, ритон/питьевой рог. До раскопок могильника Киль-Дере 1 иконография подавляющего количества известных варварских рельефов отражала влияние боспорской скульптуры.

Характерными особенностями варварских рельефов первых веков н.э. является нередкое нарушение геометрически правильных очертаний

плит, рамок, ниш, непропорциональность в изображении фигур, а также отсутствие на большинстве памятников шипов для установки и, зачастую, небрежная обработка нижней части плит.

Рельефы из раскопок могильника Киль-Дере 1 составляют более 40% всех варварских памятников скульптуры первых веков н.э. Наземная (верхняя) часть, предназначенная для обзора, как правило, в плане имела вытянутые по вертикали очертания, близкие к прямоугольнику или трапеции. В сечении подобные памятники представляют прямоугольник, лицевая сторона которого криволинейна, рельефна. Архитектурное обрамление рельефов различно. Заглубленный в основную плоскость плиты фон обрамлен подпрямоугольной, трапецевидной, овальной или арковидной рамкой, верхняя часть которой могла быть горизонтальной, треугольной или полукруглой. Некоторые памятники увенчаны треугольными акротериями (№38) или фронтоном, выделенным графически (№№21, 39), либо рельефно (№22). Нижняя, предназначенная для установки, часть плит грубо подтесана, в двух случаях сохранился четко выделенный шип (№№31, 42).

Наиболее многочисленную группу составляют одноярусные и двухъярусные рельефы с изображением человеческих лиц. Несмотря на затруднение в их датировке, рельефы представляют наибольший интерес, поскольку демонстрируют явную связь со скульптурой Херсонеса.

Наиболее многочисленной группой надгробий являются **ОДНОЯРУСНЫЕ РЕЛЬЕФЫ**.

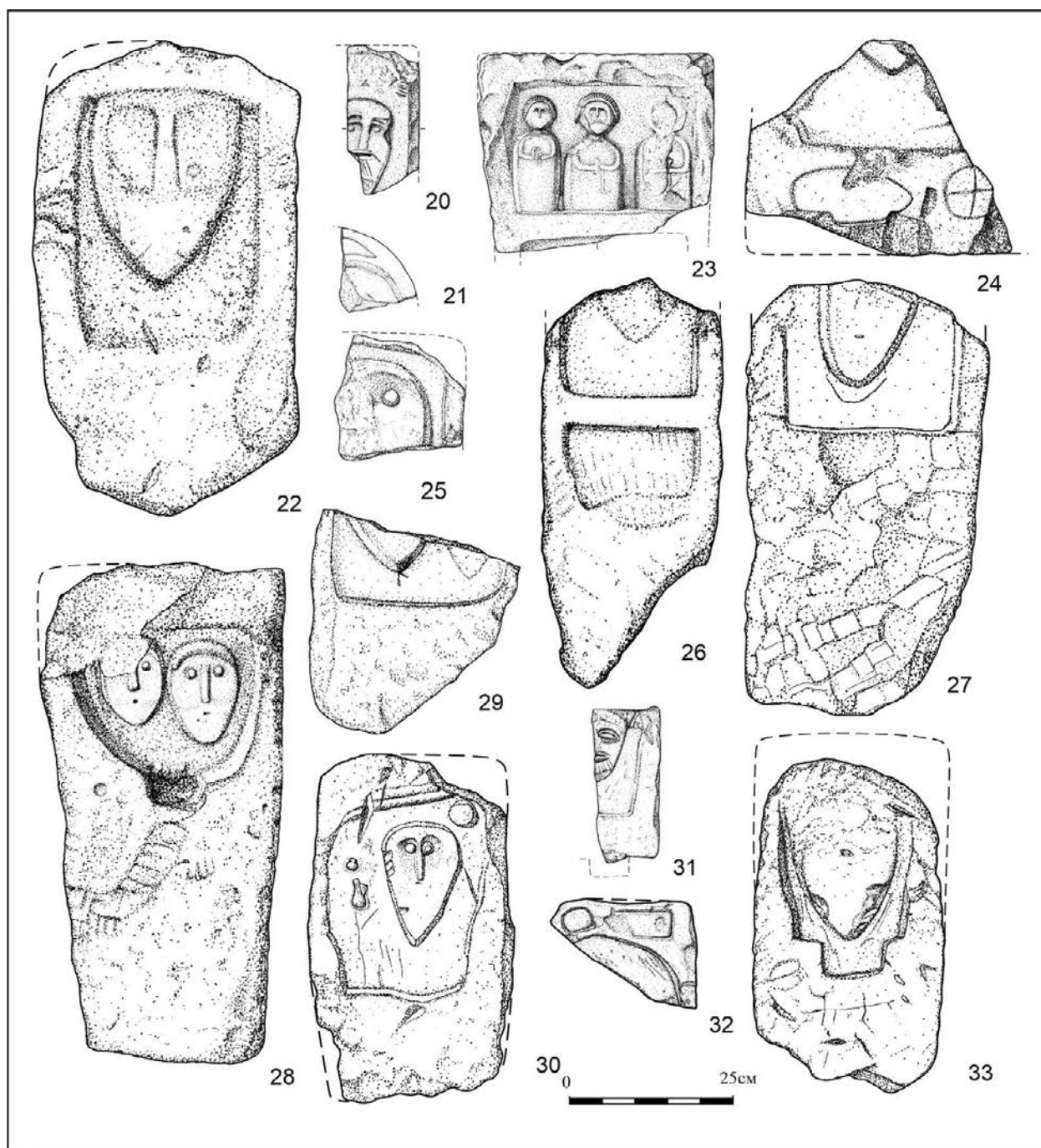

Рис. 3. Рельефы могильника Киль-Дере 1.

Иконографическая схема одноярусных рельефов в целом однотипна (№№ 20-22, 24, 25, 27-42). На лицевой стороне памятника изображено одно, либо два человеческих лица с клиновидной или закругленной бородой. Шея и плечи не обозначены. Фон рельефов образован путем заглабления в основную плоскость плиты, имея различные очертания – от подпрямоугольного (№№ 20, 22, 25, 27, 29, 33, 39, 41) и трапециевидного (№ 31, 34, 35, 36), до округлого

(№№ 21, 28, 32), овального (№ 38) и сложного многоугольного (№ 37). В некоторых случаях фон рельефа оформлялся очень условно (№ 28), иногда в нижней его части, под лицами, делался подтрапециевидный или подпрямоугольный вырез, имитирующий шип надгробия (№№ 33, 35, 37), либо высекалась небольшая жертвенная? ниша (№№ 28, 40).

Большая часть одноярусных рельефов (№№ 22, 25, 27-30, 33, 35, 37, 38, 39, 40) де-

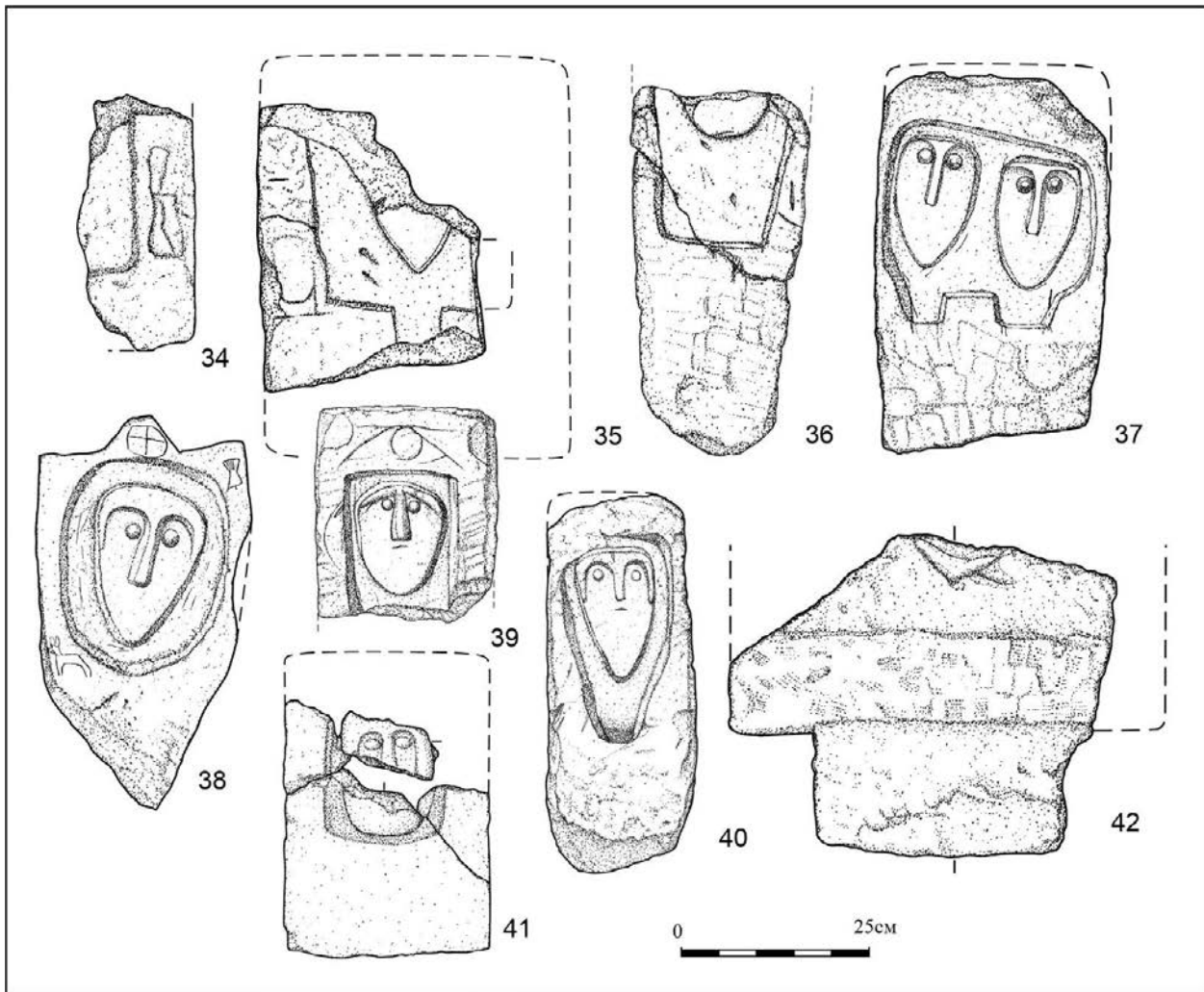

Рис. 4. Рельефы могильника Киль-Дере 1.

монстрирует своеобразный локальный стиль, характеризующийся сходными технологическими и стилистическими приемами. Овальные и подтреугольные лица на этой группе памятников изображены с подчеркнутой плоскостностью и схематизмом, им свойственны низкие лбы, круглые глаза, сильно вытянутые носы. Рот в некоторых случаях отсутствует, иногда он передан короткой врезной линией, иногда небольшой округлой выемкой (№№ 28, 30, 37-40). В некоторых случаях, ее форма позволяет предположить, что рот изображался открытым (№ 28). Подобный прием встречен на антропоморфном изваянии из Киль-Дере (№15), варварской стеле из Тенистого (Волошинов, 2004. С. 342-343. Рис. 4) и в Херсонесе (АСХ. Кат. №405).

Следует предположить, что несколько упрощенный облик персонажей не случаен, и является, вероятно, стремлением мастера придержи-

живаться своеобразного канона⁸. Аналогичную моделировку лиц можно встретить на скифских изваяниях IV-III вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994. Илл. 9: 12; 31: 58) и варварской скульптуре первых веков н.э., например, на стелах из Краснозорья, Тенистого, Рамазан-Сала, Асма-Кую, Заветнинского могильника (Волошинов, 2008, Рис. 3: 1, 3, 4; 4: 4, 5; 5: 3; 10: 3; 11: 1).

Отличительными особенностями рельефов могильника Киль-Дере 1 являются не только общая стилистика изображения, но и степень воплощения образа. Если на известных херсонесских и боспорских рельефах высекалось погрудное (как минимум, с изображением шеи) изображение человека либо его изображение по пояс, то на рельефах из Киль-Дере вырезаны только лица.

⁸ Упрощенный облик персонажей характерен для некоторых votивных (АСХ. С. 45. Илл. 58. Кат. № 99) и надгробных (АСХ. С. 130-131. Илл. 169, Кат. № 405) памятников Херсонеса.

Высеченные лица, как правило, не сопровождались атрибутами, либо изображениями вторичного характера. Исключением является рельеф № 30, на заглубленном поле которого передан круг, нанесено граффито в виде кувшина, а также вырезан кубок. Изображению лица на рельефах №№ 24 и 38 сопутствует граффито в виде круга, разделенного двумя перекрещивающимися под прямым углом линиями (соляренный символ?). На боковом акротерии рельефа № 1018 вырезано граффито в виде стоящей широкоплечей мужской фигуры в длиннополой приталенной или туго подпоясанной одежде, а в нижней части рамки, левее головы, граффито в виде животного (собаки, левули?).

Степень воплощения образа (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 54) и отсутствие изображения других частей тела и атрибутов позволяет говорить о преднамеренной концентрации внимания зрителя на лице изображаемого⁹. Можно предположить, что подобные памятники передавали реально существовавшую личность, а не абстрактный или обобщенный образ¹⁰. Вместе с тем, индивидуальные черты лица или портретное сходство с персонажем, вероятно, не были достигнуты по причине невысокой квалификации мастеров и определенным правилам канона, по которым были обязаны создаваться такие изображения. Связь подобных памятников с культом мертвых могла остаться прежней: «изваяния вместе с тем могли служить своеобразными вместилищами жизненной силы умерших, их двойниками, своего рода «Ка», если применять египетскую терминологию» (Шульц, 1976. С. 226).

Рельефное изображение лица дополнялось прослеженной на отдельных памятниках рас-

⁹ Античная надгробная скульптура также имеет примеры подобного композиционного решения, но они редки. Так, например, отдельное женское лицо можно увидеть на надгробии II в. н.э. из Амисоса (Pfuhl, Möbius, 1979. S. 516. Tafel 307, 2149).

¹⁰ С.А. Яценко указывает, что «во всех известных нам архаичных иранских и индоиранских религиозных традициях подобные статуи (кафиров, калашин) или антропоморфные стелы (осетины) представляли собой в целом именно конкретных недавно умерших людей, а не богов или эпических героев» «У индоиранских языческих этносов Гиндукуша с очень древними языческими традициями антропоморфные изваяния еще недавно полагались лишь немногим влиятельным мужчинам (самым храбрым воинам, устроителям множества пиров и т.п.). В зависимости от расходов семьи на похороны и поминки и прижизненных заслуг умершего изображали стоящим, сидящим (в ритуальном кресле) или всадником. У кафиров / нуристанцев эти памятники (из дерева из-за специфики местных горных пород) заказывали примерно через год после смерти пленным мастерам из соседних этносов (т.к. подобная работа считалась в своей среде не престижной), и отсюда понятен сам механизм привнесения небольших иконографических новшеств... Иногда такое изваяние сопровождалось малой фигуркой слуги. Мелкие детали оформления выдавали зрителю статус умершего, прежде всего – его заслуги перед общиной. Установка изображения сопровождалась танцами вокруг него, речами и почестями для него, примерно таких же, как и для самого умершего. Этому изваянию долго поклонялись и приносили жертвы, частично помазывая их маслом или жертвенной кровью. Считалось, что умерший помогает живым при активном почитании изображения и наказывает при небрежении. У калашей в больших памятниках, как полагали, временно обитала душа умершего...» (Яценко, 2014. С. 43).

краской, оживлявшей образ и придающей ему необходимую индивидуальность. Подобное композиционное решение с акцентом на личности персонажа свойственно и варварским антропоморфным стелам из Неаполя Скифского (Высотская 1979. С. 181. Рис. 87) и некрополей в долине р. Кача (Волошинов, 2004. С. 340-349; 2008. Рис. 11: 1). Как предполагается, такие памятники получили распространение у варварского населения Крыма в первые века н.э. под влиянием скульптурных традиций соседних греческих городов и, возможно, расквартированных там римских гарнизонов (Волошинов 2004. С. 348).

На появление в варварской скульптуре памятников с индивидуальными портретными изображениями, безусловно, оказал влияние Херсонес, что и демонстрирует коллекция находок из некрополя Киль-Дере 1. Основные направления воздействия херсонесской скульптуры прослеживаются в следующих особенностях:

1. Сходное архитектурное обрамление надгробных памятников. Верхняя часть одного из рельефов (№ 38) оформлена в виде трех простых подтреугольных акротериев, подобно одному из херсонесских рельефов (Буйских, 2008. Рис. 113: 6). Треугольный фронтон и акротерии, переданные врезными линиями на другом рельефе из Киль-Дере 1 (№ 39), находят близкую аналогию среди херсонесских памятников т.н. «варварского стиля» (АСХ. С. 131. Кат. 408. Ил. 171; Буйских, 2008, Рис. 133: 3).

2. Использование аналогичных технологических и стилистических приемов. Среди рельефов Киль-Дере выделяется группа памятников со сравнительно реалистичным и детализированным изображением лиц. Один из рельефов Киль-Дере 1 (№ 41), где лицо передано с помощью барельефа, обнаруживает аналогии в Совхозе 10 (Стржелецкий и др. 2003-2004. С. 184. Рис. 39, 40). Некоторые памятники из Киль-Дере 1 (№№ 24, 635) имеют близкие иконографические параллели среди херсонесских надгробий «варварского» стиля, что заметно, например, в специфической моделировке глаз (АСХ. Кат. 401, 405, 408, 410. Илл. 168, 169, 171, 174.).

3. Заимствование идеи парных изображений персонажей (№№ 28, 37). Помимо херсонесских находок (АСХ. Кат. 392, 405), фрагмент парного рельефа известен и среди стилистически близких памятников из могильника Совхоз 10. Авторы раскопок, признавая варваризованный характер надгробий, считают, что найденные ими изваяния являются произведениями херсонесских мастеров и херсонесской художественной школы (Стржелецкий и др. 2003-2004. С. 186. Рис. 38, 41, 42). Среди варварских памятников с парными изображениями известен лишь один рельеф, найденный под Анапой и изображаю-

щий, как считается, сцену побратимства (Соломоник, 1959. С. 76. №31)¹¹.

Следует отметить еще одну особенность рассматриваемой группы рельефов. С одной стороны, эти памятники демонстрируют связь с херсонесскими скульптурными традициями, что отразилось на архитектурном обрамлении, технологических и стилистических приемах. С другой стороны, надгробные рельефы из некрополя Киль-Дере 1 связаны с варварскими изваяниями первых веков н.э., передавая характерный для них архетипический образ.

Ряд рельефов из Киль-Дере 1, при сохранении общей иконографической схемы и отсутствии дополняющих атрибутов, выполнен в иной стилистике и находит, в частности, аналогии среди варварских изваяний (№ 20), а также в Совхозе 10 и Херсонесе (№№ 635, 1520). Некоторые памятники из Киль-Дере 1 (№ 31) действительно имеют близкие иконографические параллели среди херсонесских надгробий «варварского» стиля, что заметно, например, в моделировке глаз (АСХ. Кат. 401, 405, 408. Илл. 168, 169, 171).

В ближайшем к Киль-Дере 1 могильнике Совхоз 10, рельефы были найдены у каменных ящиков и урн с прахом умерших, что позволило авторам раскопок говорить о высоком статусе умерших (Стржелецкий и др. 2003-2004. С. 186). Не исключено, что и рельефы из Киль-Дере 1 первоначально были установлены над погребениями высокого статуса¹². Наиболее значимые из них, вероятно, концентрировались в центральной части некрополя, наиболее плотно изрезанной грабительскими шурфами. Именно здесь, в центральной части могильника, на вершине холма, на площади 25x25 м найдено 15 из 23 рельефов и их фрагментов. К вершине тяготеют и находки десяти из 13-ти оснований-баз и целый ряд других памятников (Илл. 4.).

МНОГОЯРУСНЫЕ РЕЛЬЕФЫ. Многоярусные варварские рельефы первых веков н.э. известны по находкам из Неаполя Скифского (Маркевич,

1891; Маркевич, 1929. С. 9), Джан-Баба (Шульц, 1963. С. 3-9; Соломоник, 1963) и Кермен-Кыра (Дашевская, 1957. С. 114, 116, 117. Рис. 1).

На могильнике Киль-Дере 1 многоярусные рельефы представлены фрагментом надгробия № 26, в верхнем ярусе которого сохранилось рельефное изображение клинообразной бороды, и верхним ярусом рельефа № 23 с изображением трех фронтально стоящих человеческих фигур. Общая стилистика и специфический набор атрибутов, переданных в руках персонажей (виноградный нож или серп, топор, ритон, лук?), указывают на связь с варварской скульптурой, а иконографическая схема и моделировка причесок – на влияние античной скульптуры, в частности, херсонесских надгробий т.н. варварского стиля (АСХ. Кат. 410. Илл. 174).

Учитывая тот факт, что рельеф № 23 был найден на скальном выступе немного в стороне от могил, можно предположить, что вершина возвышенности в определенное время использовалась в качестве святилища.

ОСНОВАНИЯ-БАЗЫ из раскопок некрополя Киль-Дере 1 представлены 13-ю памятниками и их фрагментами (№№ 43-55) (рис. 5). Конструктивные особенности памятников этого вида впервые позволяют говорить об их особом значении. Учитывая акцент на лицах, изображенных на вертикально устанавливаемых антропоморфных стелах и рельефах, композиционная роль подобных постаментов велика. Пропорции оснований-баз и дополнительные элементы, высеченные на лицевой стороне плит, еще более акцентировали внимание зрителя на лице, выделяя его из окружающего пространства.

Основания-базы представляют собой подпрямоугольные и подтрапцевидные в плане плиты со сквозным отверстием в центре, предназначенные для установки рельефов или антропоморфных стел¹³. В отдельных случаях (№52), вероятно, с целью компенсации склона, грани оснований-баз имели разную толщину, подгоняясь под его поверхность. Вероятно, для лучшей фиксации базы, на тыльной ее стороне производились подрубки (№ 44). Плиты, таким образом, не заглублялись в грунт, а были рассчитаны на внешнее обозрение, что подтверждается положением одной из баз, зафиксированной *in situ* (могила № 6) (№ 46) и тщательной подтеской и шлифовкой некоторых экземпляров (№№ 45, 46, 49, 54).

По-видимому, основания-базы использовались в качестве алтарей. Для этого, на лицевой, обзорной стороне плиты, вдоль длинной ее грани,

¹¹ Еще одной характерной, вероятно заимствованной деталью рельефов, является наличие жертвенных ниш, располагавшихся в нижней части фона рельефов №№ 28 и 40. Жертвенные углубления прослежены также на других видах скульптуры из могильника – основаниях баз, жертвенных плитах, плите с граффити. О греческом прототипе обрядов, связанных с жертвенными возлияниями, возможно, свидетельствует обломок эскары-хоэ (№56) с остатками глиняного сосуда в сквозном отверстии (Язиков, Свиридов, Волошинов, 2021. С. 374, 375. Рис. 3: 331). Лунки с канавками на основаниях-базах из Киль-Дере имеют аналогии в некрополе Панское (Stolba, Rogov, 2012. Plate 58-62).

¹² С.А. Яценко, приводя этнографические данные об изваяниях у калашей пишет, что «изваяния стоили очень дорого (за них полагалось раздать на поминках 100-200 голов скота). Наряду с ними на полях вокруг селений ставили еще и малые статуи (стоившие около 100 голов скота). Считалось, что именно после возведения «малых» изображений умерший сможет активно помогать живым. Перед установкой изваяния одевали, «кормили», слугали песни и т.п. Статус влиятельных умерших, удостоившихся такого почитания, как считалось, приближался к таковому у духов и даже божеств («героизация»)» (Яценко, 2014. С. 43).

¹³ Находки оснований баз известны в Юго-Западном и Центральном Крыму, в частности на городище Кермен-Кыр, некрополях у сел Краснорозье, Суворово, Озерное (Скалостое) и Заветное. Некое подобие базы найдено на могильнике у с. Танковое (Волошинов, 2008. С. 62).

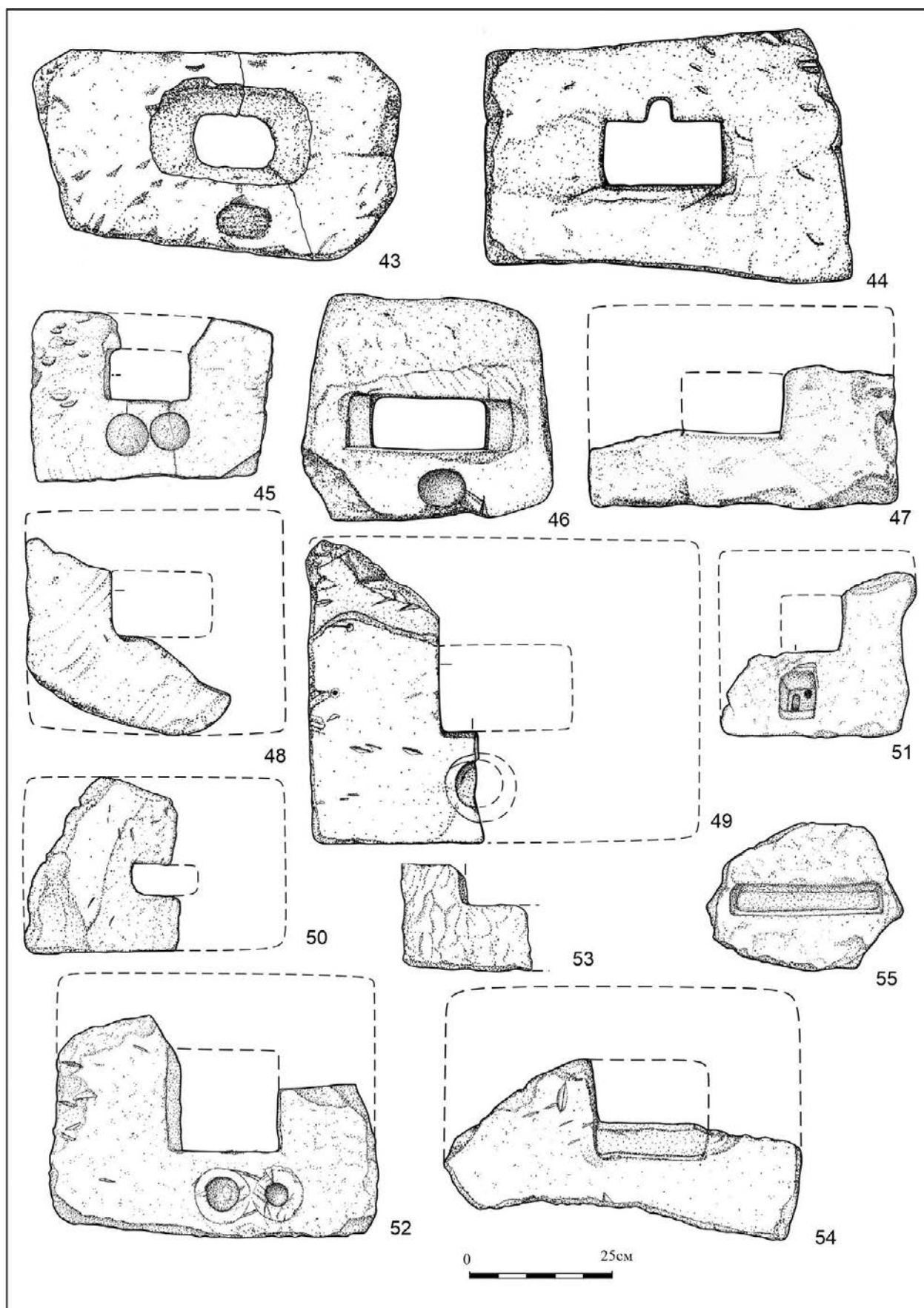

Рис. 5. Основания-базы могильника Киль-Дере 1.

высекались небольшие (до 10 см диаметром или длиной) чашеподобные, округлые или овальные в плане, углубления имеющие полусферическое (№№ 45, 46, 49, 52)¹⁴, либо подтрапецевидное (№ 43) сечение. На базе № 45 зафиксированы неглубокие канавки-стоки, высеченные по направлению от двух расположенных в линию чашевидных углублений к сквозному отверстию (пазу) в центре плиты. В совокупности с наличием отверстия у длинной стороны оснований-базы № 33 и в длинной боковой грани плиты № 51, подобные стоки дают возможность предположить, что обряд предусматривал наличие жидкости в углублениях и, при необходимости, их смешивание (№ 52), а также орошение поверхности вертикально стоящего памятника, для чего было необходимо именно сквозной паз¹⁵, через который жидкость будет уходить в землю. Таким образом, прямоугольный или овальный в плане паз приобретал двоякую роль. С одной стороны, он предназначался для фиксации изваяния в вертикальном положении (есть примеры, когда над пазом баз № 46, 54 вырублено два коротких и неглубоких прямоугольных плечика, на которые опирался нижний край плиты), с другой стороны – для жертвенных возлияний, и, в этой связи, вероятно не случайно, что в отдельных случаях стенки сквозного паза (№ 43) сделаны намеренно покатыми.

Шлифовка лицевой поверхности оснований-баз и наличие чашевидных жертвенных лунок, в целом, говорят о возможном греческом влиянии. Так, например, шлифовке подвергались базы в Херсонесе (Колесникова, 1986. Рис. 5: 2а; Posamentir, 2011. P. 328-335. No. BA1-16). Небольшие лунки и вырубки для жертвенных возлияний известны на ольвийских львах (Соломоник 1959. С. 96, 97. Рис. 41, 42: ж), но они известны также плите из Неаполя Скифского (Ачкинази, Пуздровский 1994. С. 253–257) и тыльных сторонах варварских рельефов и стел первых вв. н.э. из Предущельного и Заветного (Волошинов, 2012. С. 38; Волошинов, 2015. С. 254). Наиболее близкие аналогии подобных

14 Поверхность чашевидных углублений всегда обрабатывалась таким образом, чтобы как минимум дно оставалось шероховатым, даже в том случае, когда стенки лунки тщательно отшлифовывались (№ 45). Можно предположить, что такой характер обработки поверхности производился с целью использовать дно лунки для измельчения или растирания какого-то ингредиента, для лучшей гигроскопичности поверхности или устойчивости устанавливаемого сосуда.

15 Менее всего оснований-базы из Киль-Дере 1 напоминают херсонесские, не имеющие сквозного отверстия, на Боспоре подобные базы есть, но доказать их назначение сложно (КБН, 1965. С. 157, 428, 429; CIRB-Album. 169, 744). Не исключено, что сквозные отверстия в основаниях-базах скифской скульптуры VI–III вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994. Илл. 11: 16, 24; 17: 29; 27: 52; 29: 55; 52: 89; 58: 98, 99; 60: 104; 61: 103; 63: 108; 66: 112; 74: 122) прорубались насквозь с целью использования при жертвенных возлияниях. Как противники, так и сторонники предположения об использовании скифских каменных оснований-баз в качестве жертвенников (Алексеев, 2009. С. 12–17) абсолютно правы, учитывая двойное назначение памятников этого вида.

лунок обнаруживаются на алтарях V–III вв. до н.э. из некрополя Ольвии, где они также используются вторично в IV–III вв. до н.э. и римское время в закладах могил и склепов, в крепидях курганов (Папанова, 2004. С. 190. Рис. 1–3; Папанова, 2006. С. 151. Рис. 68–74)¹⁶. Подобное использование алтарей, как предполагается, говорит о том, что они выполняли функции берегов (Папанова, 2006. С. 151–157).

Одиночные углубления со стоками-желобками характерны для V–III до н.э. и известны по алтарям из некрополя Панское в Северо-Западном Крыму (Stolba, Rogov, 2012. P. 310. Plate 58–62) и некрополя Кошары на западной границе Ольвийской хоры (Редина, 2007. С. 98), а парные – по находкам ольвийских алтарей первого типа (Папанова, 2006. Рис. 68, 69, 72)¹⁷. Как предполагается, в подобные углубления устанавливались чаши, а канавки служили стоками жидкости из чаш (Папанова, 2006. С. 147. Рис. 67–72). Однако на алтарях из Панского и Ольвии жидкость стекала на землю по канавкам, направленным к наружной стороне алтарей, а на базах из Киль-Дере 1 канавки высечены к внутренней грани, к сквозному отверстию. Вследствие этого, жидкость сначала попадала на стелу, и только потом стекала в землю. Эта особенность позволяет считать наиболее близкими по сути обряда составные алтари-надгробия, найденные в закладе могилы № 194 в некрополе Кошары. Они также имели базу с чашей-углублением и стоком, а в прямоугольный паз была вставлена антропоморфная стела (Редина, 2007. С. 98; Rapuci-Władyka, Redina, 2011. P. 294. Fig. 16). По аналогии с алтарями из Панского, наличие на одном основании-базе сразу двух жертвенных лунок, может объясняться двойным или тройным возлиянием умершим (τρίσπονδαί χοαί, из меда, молока и вина) (Stolba, Rogov, 2012. P. 310).

Кроме того, поверхность оснований-баз могла использоваться для приношений в виде молока, хлеба и плодов, оставляемых после совершения тризны или возлияний (Папанова, 2006. С. 151).

Таким образом, конструктивные особенности оснований-баз из некрополя Киль-Дере 1, позволяют утверждать, что они являлись не просто основанием для вертикальной установки надгробий, но и использовались для выполнения наземных

16 Не исключено, что использование алтарей в некрополе Ольвии возрождается в первые века н.э., о чем говорит алтарь II в. н.э., найденный в дромосе Зевсова кургана (Папанова, 2004. С. 190).

17 Если бы не сквозное отверстие оснований-баз Киль-Дере 1, то большинство из них можно было бы отнести к первому варианту ольвийских алтарей – жертвенникам-столам, выполненным из известняка или мрамора. На лицевой стороне таких плит было высечено от одного до трех прямоугольных или чашеобразных углублений, которые напоминают внутреннюю часть чаши-фиалы, используемой в культовых целях и специальные борозды для стоков жидкости из чаш. Из чаш жидкость вытекала на землю по стокам, имевшим в разрезе треугольное сечение (Папанова, 2006. С. 147. Рис. 67–72).

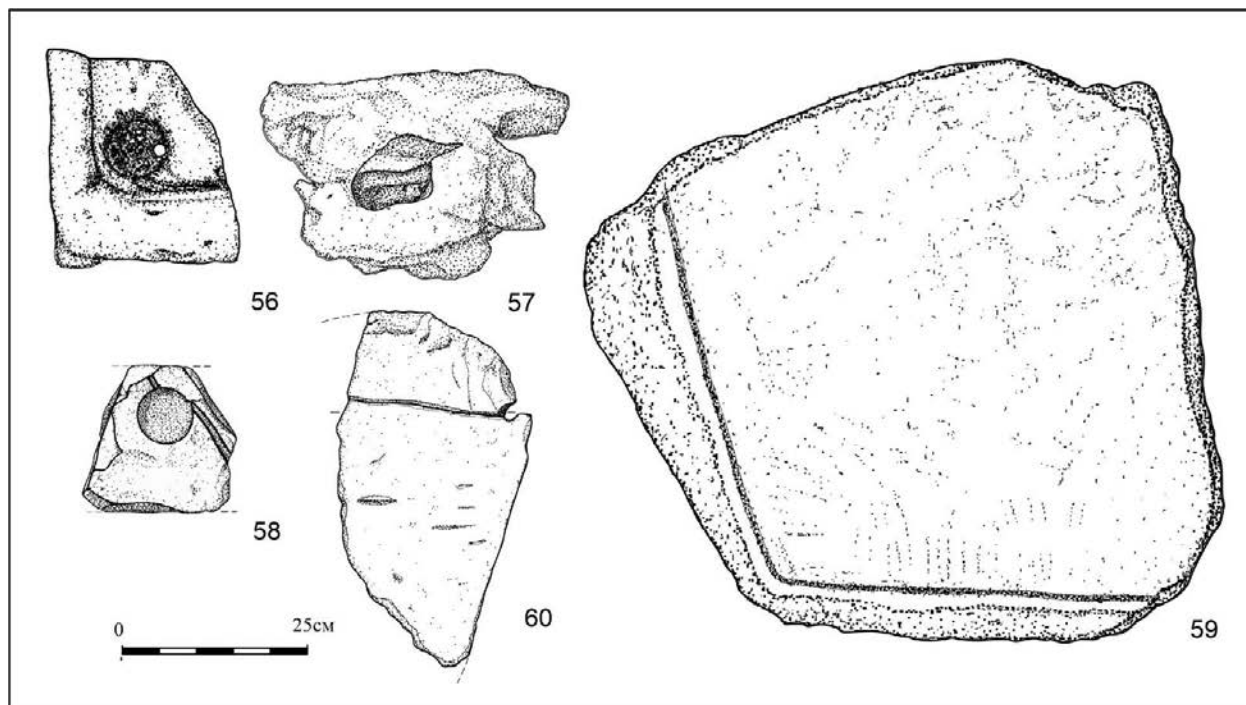

Рис. 6. Жертвенные камни и плиты могильника Киль-Дере 1.

ритуалов, в качестве своеобразного алтаря, где приносились жертвы в честь умерших. Наиболее вероятно, жертвенные углубления наполнялись жидкостью для совершения возлияний, например, медом, вином, водой, маслом и молоком. О выполнении особых функций говорит не только наличие чашеподобных углублений, различного рода отверстий и стоков, но и тщательность обработки лицевых поверхностей, а также, достаточно строгая геометрия некоторых плит, не свойственная, к примеру, скифским базам VII-III вв. до н.э. Можно предположить, что для основного обзора предусматривалась длинная сторона основания-базы с одним или двумя чашевидными углублениями. Это подтверждается особенностями расположения подобных углублений на основаниях-базах, наличием стоков и более тщательным характером обработки этой части плиты (например, № 46).

Сочетание оснований-баз, используемых в качестве алтарей и своеобразных надгробных «портретов», безусловно, делает коллекцию надгробных памятников уникальной, поскольку в таком соединении создавался дополнительный акцент на персонаже, изображению которого придавался сакральный характер.

ЖЕРТВЕННЫЕ КАМНИ И ПЛИТЫ представлены пятью различными по форме памятниками (№№ 56-60) (рис. 6), использовавшимися в горизонтальном положении.

Жертвенные камни (№№ 56 и 57) объединяет наличие отверстия, которое могло использоваться при жертвенных возлияниях в честь умерших. Плиты с отверстиями, найденные на территории некрополей, предложено именовать эсхарами-хоэ. Через отверстия эсхар вливались жидкости из меда с молоком или масла, либо в чистом виде молоко, мед и вода (Сорокина, Усачева 1997, С. 50, 54).

Один из памятников, возможно, является вторично использованным фрагментом алтаря (№ 56) и имеет обрамление в виде рельефного бортика. В сквозном отверстии были найдены остатки краснотерракотового сосуда. Аналогичный в плане памятник, найденный в Кехах, датируется II-I вв. до н.э. и является фрагментом эсхары-хоэ типа IB (Сорокина, Усачева 1997. С. 50. Табл. 2: 10).

Другой жертвенный камень (№ 57) полностью сохранил природную поверхность и имеет аморфные очертания. Такая форма не совсем согласуется с известными эсхарами-хоэ в греческом исполнении, но, вполне могла быть популярной у варваров. Как указывает С.А. Яценко, «у иранских и индоиранских, стадильно близких этносов с архаичной религиозной традицией (кафиры, калаши, осетины) каменные алтари обычно представляли собой либо камень природной формы, либо небольшое сооружение из мелких камней без раствора. Более того, например, у кафилов отчетливо сохранялось представление, что природная, естественная, не

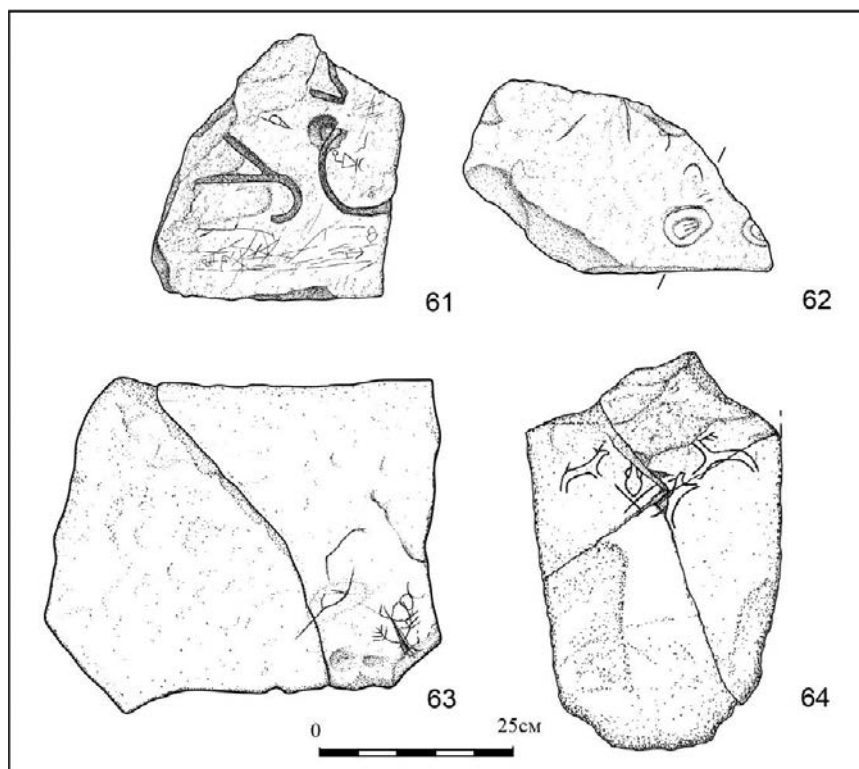

Рис. 7. Плиты с граффити могильника Киль-Дере 1.

выделяющаяся форма алтаря лучше всего выражает многозначность и непостижимость божества» (Яценко, 2014. С. 41).

Жертвенные плиты представлены тремя памятниками (№№ 58-60), выполненными из каменных заготовок, первоначально не являвшихся изваяниями. Очертания плит в плане различны, объединяющими элементами является наличие стоков-каналов. Жертвенные лунки и стоки высекались на памятниках как изначально, так и при вторичном использовании, в том числе, после повреждения.

Один из фрагментов жертвенной плиты (№ 58) имел сток и аккуратно высеченное полусферическое чашевидное углубление, подобное тем, что присутствуют на основаниях-базах Киль-Дере. На поверхности другого (№ 59), достаточно крупного по размерам, высечена канавка по периметру. Третий выполнен из плиты песчаника, не имеющей следы подработки (№ 60), он имеет сток и небольшое сквозное цилиндрическое отверстие.

К жертвенным плитам следует отнести также и вторично использованные памятники скульптуры. На одном из этапов использования они применялись горизонтально, а на лицевой стороне или боковых гранях высекались стоки и чашеподобные углубления. Это относится к плите с сарматскими знаками № 61, а также менгироподобным изваяниям №№ 6 и 14, жертвенному камню № 56. Два миниатюрных воронкообразных углубления

диаметром 1-2 см с процарапанными к ним стоками вырезаны на фрагменте основания-базы № 49.

Жертвенные углубления, вырезанные в нижней части поля рельефов №№ 28 и 40 использовались в вертикальном положении.

ПЛИТЫ С ГРАФФИТИ представлены 4-мя памятниками (№№ 61-64) (рис. 7), на которых граффити является единственным изображением. Наличие граффити, нанесенных на рельефы и отдельные плиты (на основаниях-базах не встречены) придает коллекции из Киль-Дере 1 особое значение.

Граффити на плите № 61 носят вторичный характер. Первоначально ее украшали крупные, раскрашенные красной краской тамги, высеченные в лицевой плоскости плиты. На последующем этапе использования на плите было высечено жертвенное чашевидное углубление, нанесены т.н. сарматские знаки, а также вырезан предмет, напоминающий лучковую подвязную фибулу. Но если граффити в виде тамг были известны и ранее¹⁸, то другие изображения на варварских памятниках ранее не встречались.

Для двух плит с граффити (№№ 62, 63) использованы обломки песчаника без следов под-

¹⁸ Граффити в виде т.н. сарматских знаков были ранее отмечены на ряде памятников скульптуры первых вв. н.э. из Ольвии, Фанагории, Керчи, Анапы, а также на варварских памятниках, например, Заветное, Заздрость, Арабатская стрелка, Скалистое, Керчь, Малая Козырка, Кермен-Кыр (Соломоник, 1959. №№ 21, 22, 23, 31, 36).

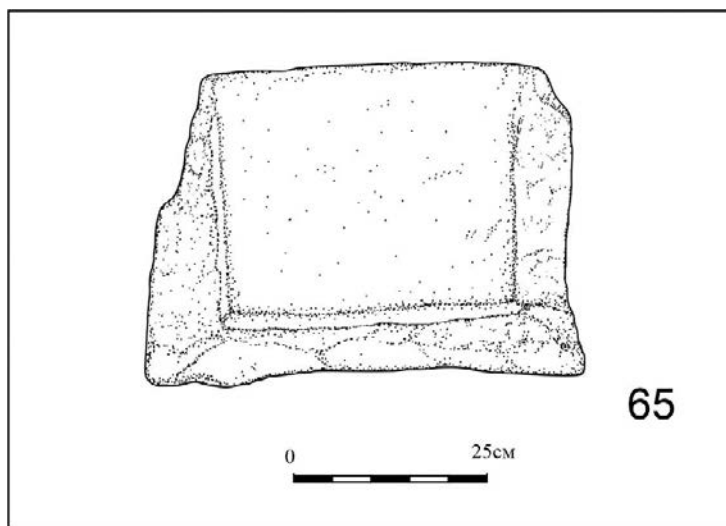

Рис. 8. Саркофаг могильника Киль-Дере 1.

работки. Иконография этих памятников не имеет аналогий. На № 63, предположительно, изображен пейзаж, на плите № 64 вырезана сцена травли – две собаки, атакующие оленя и стоящая между фигурами животных подставка с амфорой. Ближайшие аналогии этой сцене находятся среди пряслиц из варварских могильников Крыма, при этом амфора встречена впервые.

На ряде рельефов в технике граффито вырезаны изображения животных и людей, сосудов, геометрических фигур. К большому сожалению, установить, на каком этапе использования памятников они были нанесены, не представляется возможным. На центральной акротерии рельефа № 38 и нижней рамке рельефа № 24 врезной линией передана окружность, разделенная двумя перекрещивающимися под прямым углом линиями (солярный символ?). На боковой акротерии рельефа № 38 вырезана стоящая человеческая фигура, а в нижней части рамки, левее головы, нанесено граффито в виде стоящего животного (косули, оленя, собаки?). На рамке рельефа № 32 изображен овал и прямоугольник (украшение верхней рамки? антропоморф?), а на нижней части рамки рельефа № 24 вырезано изображение каплевидных очертаний (личина?). К граффито можно отнести и кувшин на рельефе № 30.

Учитывая разнообразный характер нанесения граффито на памятниках Киль-Дере 1 и разнообразие связанных с ними сюжетов, можно предположить, что часть подобных изображений наносилась в ходе каких-то постпогребальных обрядовых действий. Не исключено, что в ходе ритуала высекались и жертвенные лунки, как на № 61, т.е. существует взаимосвязь наличия чаше-

видных углублений и граффити, что косвенно может подтверждаться группировкой знаков вокруг углублений на головах т.н. ольвийских львов (Соломоник, 1959. С. 96, 97)¹⁹.

САРКОФАГ/ОССУАРИЙ представлен фрагментом прямоугольного в плане погребального ящика (№ 65) (рис. 8), ближайшие аналогии которому находятся в расположенном поблизости некрополе Совхоз 10 (Стржелецкий и др., 2003-2004. С. 77-79). Памятник мог применяться для хранения урн с кремациями, костных останков из нескольких погребений или использоваться в качестве самостоятельной конструкции для погребения по обряду ингумации.

ФРАГМЕНТЫ СТЕЛ представлены тремя фрагментами памятников неопределенного вида (№№ 66-68) (рис. 9). При этом, два из них (№№ 66 и 67) были использованы вторично и найдены *in situ*, представляя собой вертикально установленные отметки над могилами.

О вторичном использовании и повреждении памятников. Значительная часть изваяний

¹⁹ Граффити на памятниках Киль-Дере 1 позволяет еще раз обратить внимание на некоторые, хорошо известные памятники с т.н. сарматскими знаками, например боспорские стелы Ареты, жены Афеней (КБН, 1965. С. 243, 244; CIRB-Album. 357). Феоники, жены Деметрия (КБН, 1965. С. 274; CIRB-Album. 424), плиту из Кривого Рога (Соломоник, 1959. С. 97-99. Кат. № 43), надгробие из Керчи (Соломоник, 1959. С. 72, 73. Кат. № 25; КБН, 1965. С. 340-341; CIRB-Album. 565). Подобные памятники, вероятно, использовались вторично в виде жертвенных плит в горизонтальном положении. Для выполнения обрядов предварительно сбивались лица, высекались канавки и жертвенные лунки, наносились знаки, изображения животных. Есть и следы многочисленных округлых ударов вторичного происхождения, наносившихся, вероятно, в ходе ритуальных действий. Э.И. Соломоник, ссылаясь на наличие на одной из керченских плит греческих букв ΠΑΠ, предположила, что они означают начало имени одного из главных скифских богов Папая, а сама плита, таким образом, использовалась для религиозно-культовых целей (Соломоник, 1959. С. 100).

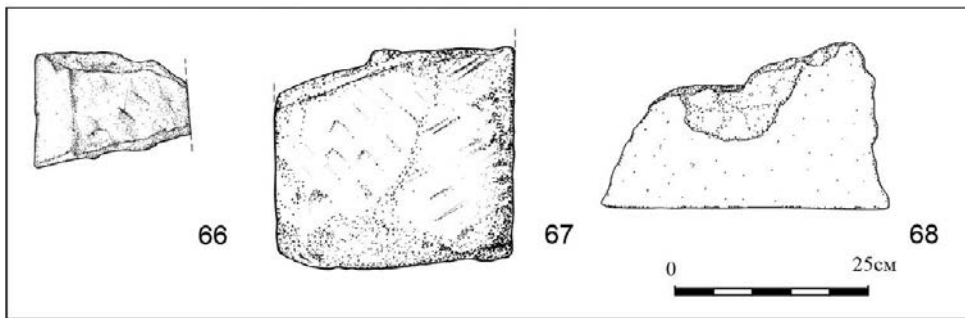

Рис. 9. Фрагменты стел могильника Киль-Дере 1.

найдена в грабительских шурфах 2000-х гг., выкопанных в заполнении могил, однако заметных современных повреждений не выявлено, за исключением отдельных ударов и царапин.

Сохранность большинства найденных памятников заставляет обратиться к вопросу о времени их повреждения, а также характере, способах и периодах вторичного использования.

Некоторые памятники переживали несколько периодов использования (подробнее – Ольховский, 2005, С. 10). В активном периоде они устанавливались в вертикальном или горизонтальном положении над могилами или в непосредственной близости. Это была адекватная среда функционирования памятника искусства.

Во втором периоде, памятники преднамеренно повреждались и разрушались, и таким образом переходили в период пассивного функционирования. Нельзя исключить, что преднамеренное повреждение происходило еще в ходе погребальной процессии, во время тризны²⁰ или позднее, при устройстве новых погребений. Можно предположить, что это было связано со «сроком действия» изваяний, подобно другим

группам варварских изваяний эпохи раннего железного века (Ольховский, 2005. С. 79, 90, 109, 116).

Даже визуальное сравнение состояния лапидарной коллекции с другими варварскими группами памятников (Заветное, Скалистое-III, Краснозорье), скифскими изваяниями крымской группы VI-III вв. до н.э., надгробной скульптурой Херсонеса и Боспора, дают понимание того, что памятники из коллекции могильника Киль-Дере подвергались сильному разрушению, а полностью сохранившиеся или относительно целые образцы в ней единичны (№№ 22, 28, 30, 37, 38, 39, 43, 44, 46, 57, 59). Древние повреждения наносились различным видам скульптуры и, как правило, носят вторичный и преднамеренный характер. Большей частью, они выглядят в виде ударов металлическим инструментом с плоским, либо округлым окончанием, нанесенных не только по плоскости плиты, но и по сколотым ее граням. Памятники скульптуры разбивались или раскалывались, часто наибольшему разрушению подвергалась верхняя их часть, намеренно сбивались детали лиц (№№ 27, 33), отсекались части плит (№№ 18, 64). Подобные следы преднамеренного повреждения ранее фиксировались на группе изваяний из Заветнинского могильника (Волошинов, 2015, С. 251).

Не исключено, что разрушение изваяний совершалось в процессе каких-то ритуальных действий, в ходе которых на поверхности таких памятников что-то рубили (№№ 27, 33) и резали (№ 17, 61). Некоторые памятники скульптуры использовались как жертвенные плиты – на лицевой стороне или боковых гранях высекались стоки и чашеподобные углубления (№№ 6, 14, 56, 61), в том числе, миниатюрные (№ 49).

Пассивный период функционирования некоторых памятников скульптуры из могильника Киль-Дере 1 завершался постфункциональ-

20 Не исключено, что на варварских некрополях в ходе тризны или другого рода постпогребальных обрядов, разбивали не только посуду, но и основания-базы, использовавшиеся в качестве своеобразных алтарей, менигироподобные изваяния, антропоморфные стелы и рельефы. Нечто подобное, как предполагается, происходило в некрополе Кеп (Сорокина, Усачева, 1997. С. 54, 57). Этому, вероятно, способствовали представления о сроке изваяний, по истечению которого, памятник должен быть поврежден или разбит. О существовании тризны Т.Н. Высотская говорит следующее: «Лукиан, описывая погребальные церемонии, говорит о желании скифов, чтоб покойники к ним были «благодарны» и что скифы чтут умерших, устраивая праздники и торжественные собрания. Как у ранних, так и поздних скифов нередко погребения сопровождалась тризной. Мы встречаем на некрополях остатки погребальных пиществ: фрагменты разбитых амфор и краснолаковых сосудов, кости домашних животных. В мавзолее Неаполя засвидетельствовано большое зольное пятно, скопление битой посуды и костей животных, оставленных после совершения насыпи погребенных. В некоторых случаях на некрополях (Усть-Альминский) удается проследить остатки жертвоприношений (большое количество битой посуды, кости животных), находящихся в специальных ямах» (Высотская, 1979. С. 172, 173).

ной фазой (Ольховский, 2005. С.10). Варианты вторичного использования различны. Зафиксированы случаи вторичного использования обломков изваяний в качестве отметок (маркеров) над погребениями, но наиболее часто, они переиспользовались в качестве строительного материала: элементов конструкции заклада, плит перекрытия.

Этнокультурная принадлежность. Безусловно, памятники Киль-Дере 1 испытали воздействие скульптурных традиций Херсонеса и его округа (Совхоз №10). Это влияние отразилось в наличии характерных для античной скульптуры видов памятников (рельефов, оссуария), в архитектурном обрамлении некоторых рельефов, наличии шипов для вставки в базу, в стилистике изображения лиц, причесок на отдельных памятниках и т.д.

Вместе с тем, морфология и иконография лапидарной коллекции из Киль-Дере 1 указывает на ее связь с варварской скульптурой первых веков н.э. Помимо погребального обряда могильника, к основным признакам варварской принадлежности следует отнести:

1. Наличие таких специфических для варварской скульптуры видов как антропоморфные и менгироподобные изваяния;
2. Характерная для варварских памятников первых веков н.э. иконография в изображении лиц;
3. Характер изображенных атрибутов;
4. Наличие сквозных отверстий у оснований-баз;

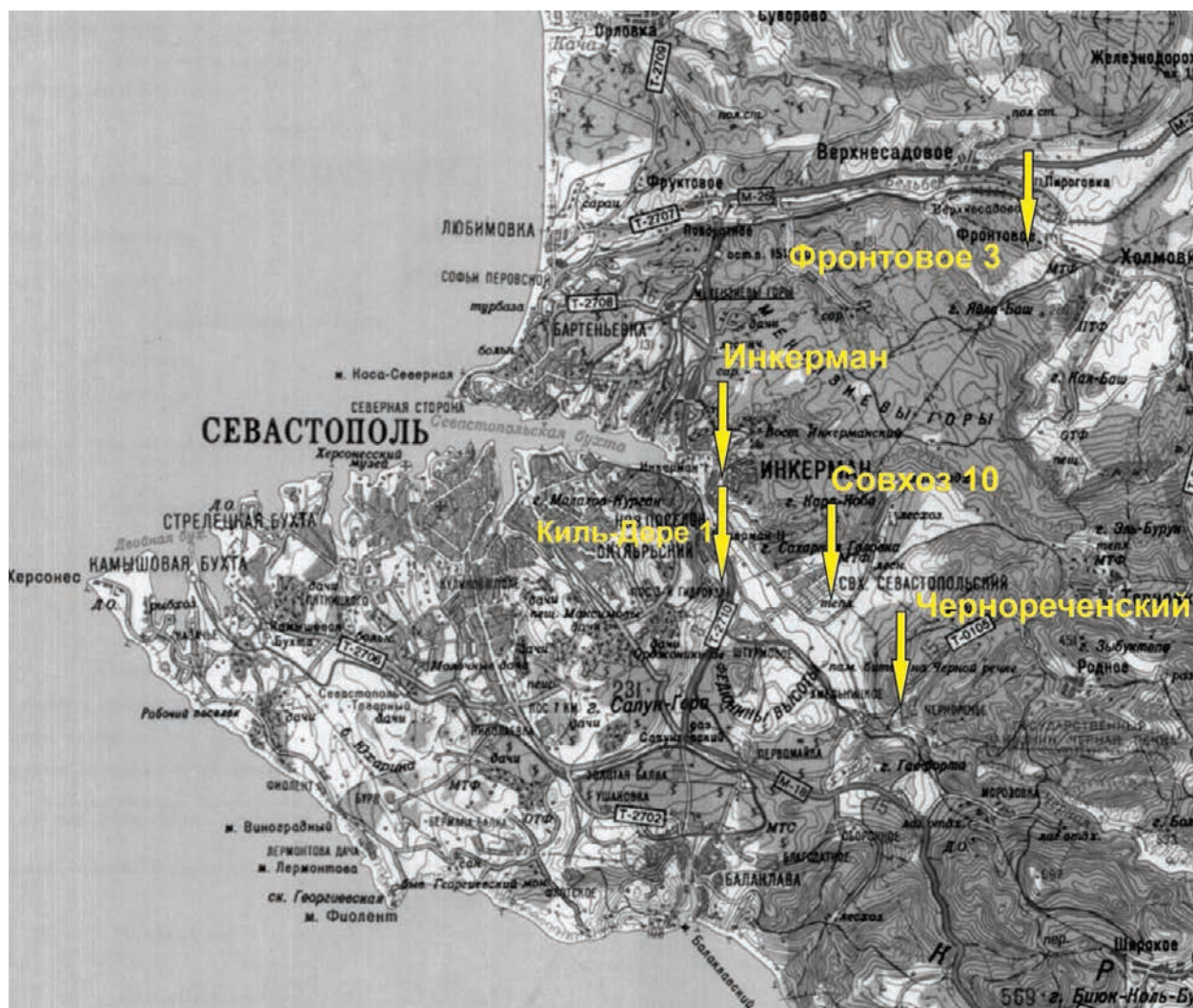
5. Сарматские знаки, специфические граффити;
6. Небрежное выполнение некоторых рельефов с нарушением геометрии плит и архитектурного обрамления²¹;
7. Полное отсутствие эпитафий и отдельных букв.

Благодаря находкам баз и жертвенных плит коллекция лапидарных памятников из некрополя Киль-Дере 1 предоставила новые данные о постпогребальном обряде варваров Юго-Западного Крыма. Особое значение коллекции придает наличие уникальных граффити на отдельных памятниках. Многочисленные рельефы продемонстрировали не только развитие собственного иконографического стиля, но и тесную связь с херсонесской скульптурой. Вместе с тем, рельефы и антропоморфные изваяния в наибольшей степени указывают на продолжении традиций варварской скульптуры первых веков н.э.

Расположение могильника Киль-Дере 1 в непосредственной близости от Херсонеса делает материалы, полученные в ходе раскопок некрополя важными свидетелями развития культурного обмена в контактной зоне варварского мира и греческого полиса.

²¹ Круг аналогий, стилистические и иконографические особенности рельефов Киль-Дере 1 позволяют сопоставить их с варварской скульптурой первых веков н.э. В соответствии с классификацией Е.А. Поповой, они могут быть отнесены к памятникам, выполненным в условно-схематическом стиле и являющимся продукцией местных, варварских мастеров. Кроме того, по мнению Е.А. Поповой, отсутствие профессионализма и сведение на нет реалистических моментов заложены в сути варварского искусства, «заклучавшейся в символизме, который и приводил к геометризации форм и условностей» (Попова, 1989. С. 90).

АЛЬБОМ

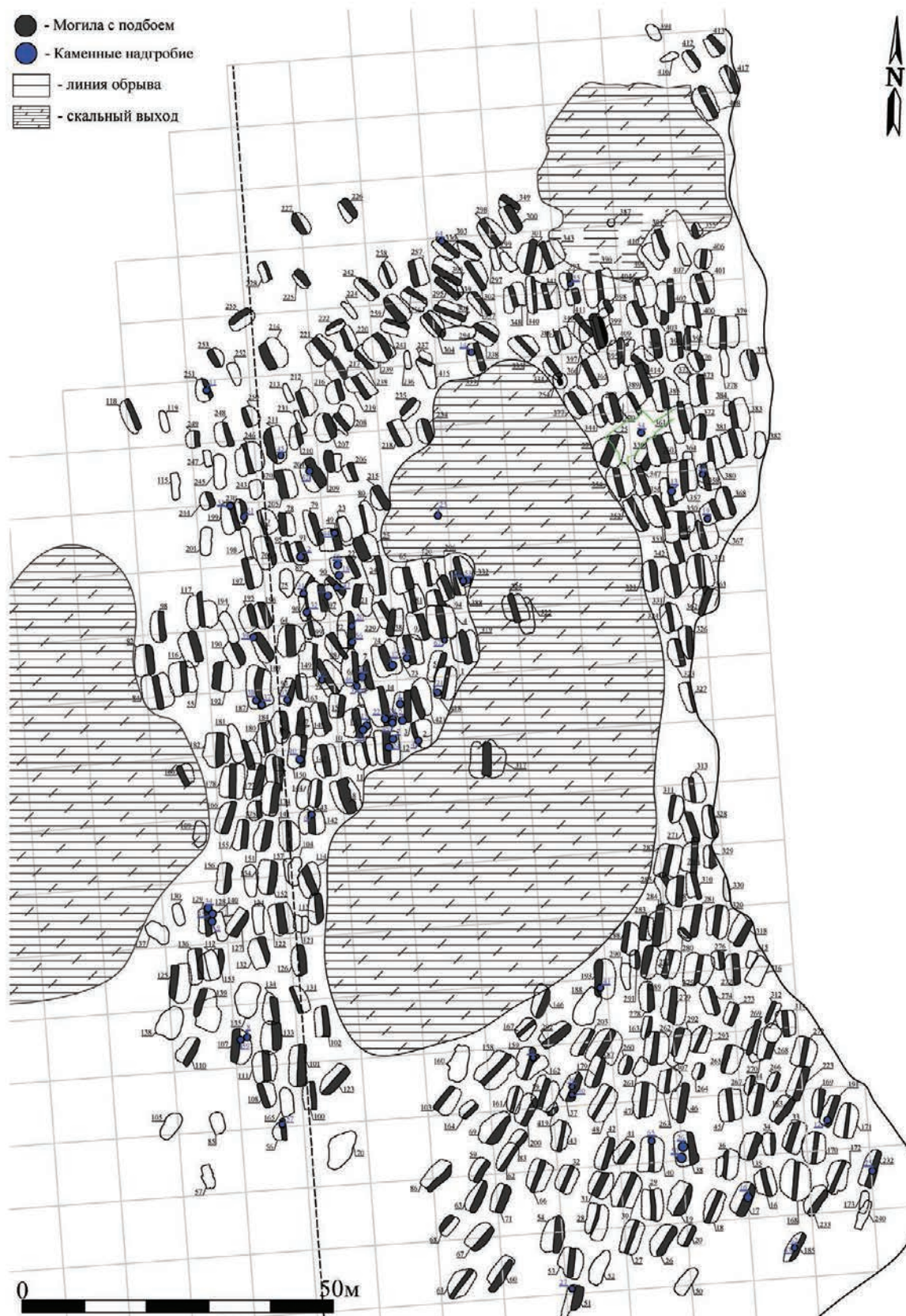
Илл. 1. Могильник Киль-Дере 1 на карте Юго-Западного Крыма

Илл. 2. Могильник Киль-Дере 1, общий вид до начала работ с востока

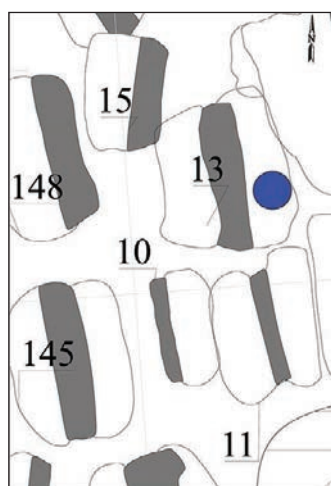
Илл. 3. Могильник Киль-Дере 1, общий вид до начала работ с юго-востока

Илл. 4. Общий план Могильник Киль-Дере 1

Илл. 38. Место обнаружения антропоморфной стелы №15

Илл. 39. Место обнаружения антропоморфной стелы №15 на плане

0 25см

Илл. 40. Антропоморфная стела №15

Научное издание

Язиков Сергей Владимирович,
Волошинов Алексей Александрович,
Свиридов Алексей Николаевич

Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1

(Материалы спасательных археологических исследований. Том 32)

Дизайн обложки и титула: В.А. Кулишов

Верстка: Е.В. Михальчева

Фотограф: Ш.Ш. Гацаев

Художник: А.М. Дитюкова

Подписано в печать: 31.07.2023

Формат 60х84/8

Уч.-изд. л. 25,0

Тираж 300 экз.

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33, (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

ISBN 978-5-94375-409-8

9 785943 754098

